

СЕРИЯ «СОВРЕМЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ»

В серию входят книги
по современному богословию
(основное, литургическое,
нравственное богословие
и другие его разделы), принадлежащие
перу выдающихся современных
авторов основных христианских
конфессий

ADRIENNE VON SPEYR

MAGD DES HERRN
EIN MARIENBUCH

JOHANNES VERLAG EINSIEDELN ♦ TRIER

СЕРИЯ «СОВРЕМЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ»

АДРИЕНН ФОН ШПАЙР

РАБА ГОСПОДНЯ

КНИГА О МАРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

ББК 86.37
УДК 230.111/227.12
Ш 831

Перевод: Андрей Лукьянов
Редактор: Алексей Бодров

Данный перевод немецкого издания книги Адриенн фон Шпайр
Magd des Herrn. Ein Marienbuch публикуется с согласия
издательства *Johannes Verlag Einsiedeln*.

Шпайр Адриенн фон
Раба Господня. Книга о Марии / Пер. с нем. (Серия «Современное богословие»). – М.: Издательство ББИ, 2017. – х + 186 с.

ISBN 978-5-89647-341-1

Эта книга записана Бальтазаром со слов его духовной дочери Адриенн фон Шпайр и посвящена богословско-мистическому освещению всего земного пути Девы Марии от Благовещения до Успения. Это не житие и не биография, а именно богословско-мистическая интерпретация, основанная как на личном опыте встречи и общения Адриенн фон Шпайр с Девой Марией, так и на богословии самого Бальтазара.

Верстка: Татьяна Дурнова
Обложка: Надежда Павлючик

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме, включая размещение в сети Интернет, без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Johannes Verlag Einsiedeln ♦ Trier, 1998
© Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2017
ул. Иерусалимская, д. 3, Москва, 109316
standrews@standrews.ru, www.standrews.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию.....	vii
Свет согласия.....	1
Душа Матери.....	13
Мария и Ангел.....	22
Материнство.....	30
Посещение.....	38
Магнификат.....	46
Мария и Иосиф.....	52
Ожидание и рождение.....	65
Сретение.....	76
Назарет.....	88
Двенадцатилетний Иисус.....	94
Расставание.....	100
Брак в Кане.....	105
Уклонения от Матери.....	112
Голгофа.....	118
Мария и Иоанн.....	127
Пасха.....	138
Пятидесятница.....	142
Смерть и вознесение.....	149
Мария в Церкви.....	154
Мать и молитва.....	162
Зов Матери.....	169
Мать и люди.....	177

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Интерес к трудам замечательного богослова Ганса Урса фон Бальгазара (1905 – 1988) растет во всем мире и особенно в России. Если верно, что за великими богословами всегда так или иначе стоят пророки, то нетрудно увидеть, какое огромное влияние на *opus immensum* базельского богослова оказала врач и мистик Адриенн фон Шпайр (1902 – 1967). Грандиозный богословский труд Бальгазара покоится как раз на *проphetическом* опыте Адриенн фон Шпайр. В 1955 году Бальгазар однозначно подчеркивал: «Тема и тональность моих книг полностью созвучны» трудам Адриенн.

Кардинал Йозеф Ратцингер – Папа Бенедикт XVI – высказался в высшей степени положительно и новаторски: «Ганс Урс фон Бальгазар немыслим без Адриенн фон Шпайр. Думаю, можно было бы показать на примере любого действительно выдающегося богослова, что в основе всех новых богословских прозрений лежит изначальный пророческий прорыв. Пока идет лишь умственная работа, не возникает ничего существенно нового. Возможно, появляются более точные систематизации и обнаруживаются более тонкие вопросы, но в основе реальных прорывов, порождающих великое богословие, лежит не просто работа ума, а определенный харизматический, пророческий импульс».

Поэтому мы можем и должны говорить о некоей «двойной миссии». В церкви существуют разные виды миссий. Наряду с отдельными миссиями бывают и «двойные миссии», дополняющие друг друга, словно «половинки луны». Прообраз этого можно увидеть в том, как распятый Иисус соединил Марию и Иоанна с тем, чтобы они создали целомудренную первоячейку церкви.

Общим плодом двойной миссии и неразделимого единства Ганса Урса фон Бальгазара и Адриенн фон Шпайр стала община в миру*: «Ее и мое дело нельзя разделить ни психологически, ни филологически, это – две половины одного целого, имеющего единое основание», – говорил Ганс Урс фон Бальгазар и далее добавлял: «Все мои труды как автора, редактора и издателя концентрируются вокруг этого ядра. Свою задачу я вижу в том, чтобы с помощью критического подхода разместить вокруг этого центра все сокровища откровения, церковного богословствования и духовности, причем таким образом, чтобы была в равной мере видна связь как с тем, что унаследовано из предания, так и с тем, что еще только предстоит обрести в будущем. Эта задача посвящена прежде всего обработке и изданию того несметного богатства, которым является деятельность Адриенн».

В *Johannes Verlag Einsiedeln* издано 60 книг Адриенн фон Шпайр. Книга о Марии «Раба Господня» – ее первое произведение, написанное в 1946 и опубликованное в 1948 году. Это, по мнению Бальгазара, «ее первая самостоятельная книга», лейтмотив которой – «совершенная готовность Марии отдать себя в полное распоряжение Бога. С самого начала она есть не что иное, как служанка Господа, из которой можно сотворить все: представительницу ветхозаветного семейства, ту, которую покидает Сын, ту, которую Он возвращает церкви, наконец – Царицу Небесную».

С благодарностью хотел бы упомянуть, что в 1988 году Ганс Урс фон Бальгазар дал мне свое письменное разрешение на публикацию книги «Раба Господня» в словенском переводе. Эту книгу о Марии он назвал «шедевром». Как замечательно и как важно, что этот шедевр выходит теперь на русском языке.

* Община св. ап. Иоанна, основанная Шпайр вместе с Бальгазаром 8 декабря 1944 г. В ней сосредоточилось практически все их творчество, в том числе и писательское. – *Здесь и далее под знаком * даются примечания переводчика и редактора.*

Христианское предание хранит верование о том, что апостол и евангелист Лука создал самый возвышенный и наиболее чтимый образ пресвятой Марии, Матери Божьей. Под этим может подразумеваться подробное и полное любви изображение Марии и детства Иисуса в Евангелии от Луки. В самом деле, это художественное изображение напоявляет святой образ, икону. Мария, мать Господа, восхваляется Елизаветой как совершенная верующая. В Деяниях апостолов Мария в окружении апостолов молится в ожидании Святого Духа. Мария – это «церковь в своем начале».

С полным правом и книгу Адриенн фон Шпайр о Марии «Раба Господня» можно воспринимать как некую чудесную икону. Этот «шедевр» есть нечто намного большее, чем «учебник по мариологии». Это – книга озарения. Ее нужно читать медленно, пребывая в созерцании. Она родилась в молитве, и воспринимать ее нужно молитвенно.

Православные христиане почитают пресвятую Марию особенным образом. В божественной литургии св. Иоанна Златоуста поется: «Пресвятую, пречистую, преблагословенную, славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию со всеми святыми помянув, сами себя и друг друга, и всю жизнь нашу Христу Богу предадим». В литургии святого Василия Великого после епиклезы поется гимн Божьей Матери: «О Тебе радуется, Благодатная, все творение: Ангельский сонм и человеческий род. Ты – освященный храм и рай духовный, слава девства, от Которой Бог воплотился и Младенцем стал – прежде всех веков существующий Бог наш. Ибо недра Твои Он в престол обратил и чрево Твое обширнее небес соделал. О Тебе радуется, Благодатная, все творение, слава Тебе!»

С большой радостью выражаю уверенность в том, что русские читатели примут эту книгу о Марии с воодушевлением и сопричтут ее к великим сокровищам русской духовности.

Также достойны восхищения и поощрения усилия Библейско-богословского института св. апостола Андрея про-

должить большой проект начатых переводов книг трилогии Бальгазара и особенно важных трудов Адриенн фон Шпайр. Заступничеством рабы Господней да пребудет благословение триединого Бога на этой апостольской миссии.

Антон Штрукель,
Любляна, 11 марта 2016 г.

СВЕТ СОГЛАСИЯ

Как сноп, в котором колосья схватываются посредине и расправляются на концах, так и жизнь Марии собрана в ее согласии; из него она получает свой смысл и свою форму и разворачивается назад и вперед. Однажды собранное есть одновременно то, что сопровождает каждый миг ее бытия, что освещает каждый поворот ее жизни, каждую ситуацию наделяет особенным значением и ей самой дарует при любых обстоятельствах благодать понимания. Каждый вздох, каждое движение, каждая молитва Матери Господа сообщает ее согласию полноту значения. Ибо такова природа ее согласия: оно и связывает того, кто высказывает его, и в то же время оставляет ему полную свободу выражения. Высказывающий это согласие наполняет его своей собственной личностью, передает ему свое значение и свой неповторимый тон, но и сам через это согласие формируется, освобождается и осуществляется. Всякая свобода разворачивается через отдачу и отказ от не-связанности. И в этой свободе-связанности берет начало всякая плодотворность.

Уже детство Марии озарено светом ее согласия. Детство – это всегда предварительное собрание для более позднего решающего начинания; и таким начинанием для Марии становится ее все определяющее согласие. Поэтому нам следует исходить из ее детства, чтобы понять ее. Смысл его – в приготовлении к тому, для чего она испокон веков была избрана столь совершенно, что в самый миг ее зачатия была отделена от первородного греха, следовательно – от всего того, что могло бы ослабить или нарушить в ней силу и полноту ее последующего согласия. Сила и свобода

ее согласия столь велики, что она совершенно свободна от малейшей склонности сказать «нет»; и такова она потому, что ее согласие задумано и сформировано в первый миг ее бытия. Таким образом, согласие в ее бытии – это и причина, и результат одновременно; оно не есть какой-то отдельный акт в ее жизни – скорее, ради этого акта она призвана Богом к бытию, и ради его совершения ей было сообщено всякое достоинство. Возрастая к слову, которое надлежит ей высказать, она уже полностью живет силой этого слова.

Ее согласие, прежде всего, это благодать. Оно – не просто ее человеческий ответ на предложение Бога; оно есть настолько благодать, что одновременно становится божественным ответом на всю ее жизнь. Оно – ответ благодати в ее духе на благодать, с самого начала положенную в основание ее жизни. Но это и ответ, ожидаемый от Марии благодатью, и она его дает, не упустив Божьего зова; не упустить этого зова означает для нее отдать себя в полное распоряжение этому зову. Отдавать себя во всей силе и глубине своего бытия и своего имени; следовательно, отдавать себя в силе и слабости одновременно: в силе тех, кто уже пребывает во всяком распоряжении Бога, и в слабости тех, кем уже распоряжаются, кто достаточно слаб, чтобы признать власть Вопрошающего, и все же достаточно силен, чтобы безоговорочно предложить ему свою жизнь.

Как слово благодати, ее согласие есть особым образом дело Святого Духа, в действии которого она отдает в дар Богу свой дух и свою плоть. Дух, осенивший ее, уже пребывает в ней, и Он-то и позволяет ей вместе с ним высказать согласие. Осеняющий ее Дух встречается с уже пребывающим в ней духом, и «да» Марии включается в «да» самого Духа. Однако осененное Святым Духом ее «да» становится истинным, свободным, самостоятельным словом ее собственного духа. Прежде всего, оно становится словом ее духа, хотя она еще не догадывается о Божьем намерении сделать это слово и словом ее тела. Святой Дух как раз и расширит согласие ее

духа до согласия ее тела. Он может это сделать, поскольку ее согласие безгранично: оно – податливый материал, из коего Бог волен сформировать все, что пожелает.

Высказывая свое «да», она отказывается от самой себя, она уничтожает себя, чтобы лишь одному Богу позволить действовать в ней. Она открывает его действию все возможности, которые составляют ее сущность и вверены ей так, что она не могла бы и не хотела бы упустить их из виду. Она решается на то, чтобы позволить одному только Богу действовать в ней, и она участвует в его действии именно через это решение. Ведь участие в действиях благодати – это всегда плод покорного самоотречения. Всякая покорность в любви плодотворна, потому что она создает пространство для согласия с Богом, а Бог ожидает согласия людей только для того, чтобы показать им, на что способен человек, действующий вместе с Богом. Никто не отрекался от всего своего в такой степени, как Мария, позволившая властвовать одному лишь Богу, а поэтому никому Бог не даровал и большей силы для участия в его делах, чем ей. Отрекшись от всех своих возможностей, она их осуществила в меру, превосходящую все ожидания: участвуя телом, она стала Матерью Господа, участвуя духом, она стала Его Служанкой* и Невестой. И Служанка становится Матерью, а Мать становится Невестой: каждая открывающаяся перспектива являет новые, уводя все дальше – в необозримое.

Но плодотворность ее столь безгранична потому, что безграничным было ее добровольное покорное самоотречение. Она не ставит никаких условий, она ничего не оговаривает, она отдает себя полностью в своем ответном согласии, она забывает перед Богом о всякой осторожности, так как ее взору открывается безграничность божественных замыслов. Она хочет только того, чего хочет Бог, и передает ему

* В тексте книги мы переводим слово *Magd* как служанка. Однако в названии книги мы оставили привычное по Синодальному переводу «Раба Господня» (Лк 1:38).

свое согласие с тем, чтобы Он распоряжался им, формировал и преображал его. Говоря свое «да», она не предполагает, что будет принято во внимание какое-то ее собственное желание, предпочтение, требование. Она не заключает никакого договора с Богом; она только хочет быть принятой в его благодать, как и сама стала желанной для его благодати. Только Бог должен управлять ее согласием. Если Бог уже склонился к ней, то ответ с ее стороны может быть лишь самоотдачей в слепом послушании. Она не знает никакого расчета, никаких «гарантий» или намеков на какие-то «условия», она знает только одно: ее роль – это роль служанки, занимающей настолько скромное место, что она всегда предпочитает именно то, что ей предлагается, никогда не ищет своего, не предугадывает и не направляет волю и желание Бога. Лишь произнеся свое «да», она станет участницей собственного формирования и останется тверда в своем согласии – не так, как если бы она была заключена в тюрьме, а, напротив, в некоей освобождающей форме, отныне выражающей всю ее сущность. С этого мгновения, как только она сказала «да», она постоянно соучаствует в своем формировании, подчиняя совершенно во всем себя Богу и тем самым позволяя своему согласию формировать все ее бытие.

Это участие в формировании согласия поистине означает, что она раз и навсегда отказывается от самостоятельного формирования своей собственной жизни, равно как и жизни своего сына. Как только она сказала «да», ее жизнь получает сознательную и выраженную форму согласия, от которого отныне зависит все остальное. Это значит, что ее согласие имеет форму обета. Ибо обет есть столь полное отдание человеческой свободы и воли Богу, что теперь благодаря этому акту смиренной и доверчивой отдачи свободы и жизни Бог принимает в свое распоряжение все наше, а тем самым имеет возможность – постепенно или мгновенно – использовать и изменять все, что ему нами отдано, по своему усмотрению. Всякая христианская жизнь в вере, любви и

надежде устремлена к этой форме обета, в котором все собственное совершенно и окончательно передается в распоряжение Бога, так что Он получает разрешение этим пользоваться, *питаясь* данным ему однажды согласием. Только то и делает обет христианским, то есть живущим силой Распятого, что Бог поистине *питается* согласием людей. Таким обетом с самого начала было согласие Матери.

К сути обета относится то, что он приносится в свободе. Свобода же Матери, как и всякая свобода, целостна, и целостность этой свободы становится особенно очевидной в согласии Марии. В одном-единственном акте она связывает себя с Богом, в едином акте переходя из своей абсолютной свободы в абсолютную свободу Бога. В этом акте Мария впервые явным образом вступает – разговаривая с Ангелом – в христианскую жизнь и тем самым в ее совершеннейшую форму: в форму обета. Соглашаясь со всем, что предстоит, а, следовательно, с христианством и со всем тем, что в нем таится нового, неожиданного, превосходящего все мыслимое, она создает христианское согласие как общий образец и представляет его наиболее совершенную форму – христианский обет. Ее согласие – это обет послушания, равно как целомудрия и бедности. В едином отречении оно содержит тройное отречение. Ибо в согласии Мать отказывается от всего своего для Бога и людей. Само ее согласие совпадает с послушанием; выбирая согласие как форму жизни, она выбирает послушание как свою жизнь. При этом она отказывается и от своего тела. Она подарила его Богу так же, как и все прочее, и больше не может сама им распоряжаться, и поэтому больше не может подарить его другому человеку. Но она не могла бы вполне послужить своим телом, если бы одновременно не поставила на эту службу все, чем обладала. Все, что ей принадлежит, будет посвящено этому добровольному самоотречению. Отдавая всю себя этой задаче, она тем самым одновременно и неизбежно отдает ей все, что имеет. Этого требует полнота ее

согласия. Как невозможно глубоко раскаиваться внутренне, а внешне продолжать беззаботную жизнь, так невозможно – в послушании – отречься от себя внутренне, ничем не жертвуя и внешне. Существует единство предложения со стороны Бога и единство ответа со стороны человека, и оно проявляется в согласии, которое разделяется на три обета, не утрачивая своего единства.

Согласие по своей сущности есть благодать; благодать, которая, как и всякая благодать, приходит от Бога, действует в человеке и в его призвании и способна самостоятельно становиться оформленным откликом, встраиваемым в широкую миссию Сына, который, благодаря согласию человека, получает возможность прийти в мир как человек. Эта сущность согласия вновь обретается в каждом христианском согласии, которое высказывает человек, так что согласие Матери стало предпосылкой и прообразом, более того – источником всякого последующего христианского согласия. Ибо здесь впервые делается явной нерушимая связь, таинственный брак между божественным и тварным согласием, а плод этого единения – Спаситель мира. И если Мать произносит свое «да» не без благодати Сына, то Сын, однако, не может стать человеком без этого «да» Матери. Согласие и спасение столь тесно переплетены, что творение не может дать согласия так, чтобы не стать спасенным, но и не становится спасенным, если не выскажет своего согласия на спасение. Источник этой тайны заключен в согласии Марии, так как ее единственного «да» довольно, чтобы тем самым Господь, став человеком, сказал «да» всем людям. Следовательно, ее согласие заместительно по отношению к согласию Господа.

Согласие Марии тройственно. Она говорит «да» Ангелу, Богу и самой себе. Когда она говорит «да» Ангелу, это просто ответ на его явление, обещание, от которого человек может отказаться в тот миг, когда его спрашивают. Это «да», как и всякое действительное обещание человека, пересту-

пает через то, что он способен окинуть взглядом. Ситуация согласия подобна эмбриону, развитие которого непредсказуемо. Но всякое обязательное, серьезное обещание все же позволяет понять общую позицию души и, может быть, вообще становится ее живым проявлением. Теперь позиция Матери в ее обещании проясняется через тот факт, что она стоит перед Ангелом и должна дать ему ответ. Ангел и ответ стоят друг напротив друга в некоем взаимодополнении и вместе воплощают в Боге некую единую действительность. Они образуют в миг своей встречи единство исполнения. Именно благодать в Марии делает ее способной к встрече с Ангелом, и именно Бог со своей стороны нисходит, чтобы послать своего Ангела навстречу этой ожидающей благодати. Как согласие, так и посланный к ней Ангел выражают позицию Марии. Ее встреча становится выражением полноты благодати и как бы «точкой попадания» для нее: благодать Марии и благодать, посланная ей Богом через Ангела, находят друг друга в некоей соответствующей встрече. Мария уже давно ожидала встречи с Ангелом, жила этим ожиданием, но пришло мгновение, когда она должна его встретить и когда он должен быть послан к ней. Ели бы она не была готова к явлению Ангела, и если бы Ангел не был к ней послан, то она еще долго могла бы жить ожиданием встречи с ним, не встречая его, и Ангел мог бы искать во всех временах кого-нибудь, кто подходил бы для такого приветствия. Однако они встречаются в равной полноте благодати Божьей. Все в их встрече полностью собралось и созрело для этого мгновения.

Отвечая Ангелу, Мария отвечает Богу. Она знает, что Ангел явился ей как посланник Бога и что поэтому она, высказывая ему свое согласие, передает это согласие Богу. Ее способность вообще видеть и слышать Ангела основана на смиренном подчинении ее чувств сверхъестественной жизни, жизни благодати Божьей. Она наделена чувствами, как и каждый человек, но направляет их не так, как люди,

не для собственного обогащения, не для приобретения чего-то для себя, не для присвоения; вместо того чтобы замкнуться в себе, она открывает свои чувства Богу, она их использует только для того, чтобы лучше воспринять божественную волю, чтобы воздать ей большую честь и славу. Результаты всякого действия своих чувств она передает Богу. Так что чувства ее – это открытое пространство, в котором Бог в любое время может проявиться: они подготовлены для Ангела. Мария считает свои чувства принадлежащими только Отцу, так что в том, что ими воспринимается, она тотчас узнает дар Божий. Она видит и слышит Ангела, но так, что одновременно сознает: то, что делает ее способной видеть и чувствовать, есть нечто такое, что вложено в нее Богом и поэтому позволяет ей увидеть в Ангеле самого Бога. А поскольку она знает, что в Ангеле воспринимает Бога, она понимает и то, что воспринимаемое от нее Ангел воспринимает лишь для того, чтобы передать это Богу. Он для нее – весть от Бога, поэтому и ее весть он передаст Богу. И то, что идет от нее через Ангела к Богу, ее согласие, идет так же непосредственно к Отцу, как и к Сыну: к Отцу – как исполненное, как свершение, как обобщающий итог Ветхого Завета, к Сыну – как начало, как открытие, как эмбрион Нового Завета. Отец и Сын слышат ее «да» в соответствии с различием их Лиц: Отец может в ответ на ее согласие послать Сына, Сын может позволить послать себя к ней и может прийти. Мать произносит свое «да», не зная, как его слышит Бог; Бог может слышать его так, как пожелает его услышать: этим двойственным образом. И это потому, что Святой Дух внушает ей отвечать так. Именно Он уже теперь в ней действует и направляет ее, хотя лишь потом осенит ее. В переводе на человеческие отношения ее согласие подобно предварительному обручению с Духом перед последующим браком. И свое «да» Мария говорит в Духе Бога, а не в своем духе, как и в христианском браке один из участвующих говорит «да» другому в его духе, а не в своем.

Он не смотрит на собственный дух как на последнюю поруку верности (это было бы высокомерием и эгоизмом), но смотрит в любви на дух того, кого он любит. Сказать «да» в собственном духе означало бы сказать «да» своим недостаткам и грехам, но сказать «да» в духе другого означает сказать «да» любви.

Наконец, Мария говорит «да» и самой себе. Ибо она подтверждает свое собственное согласие. Она *хочет* быть той, которая так одарена. Если человек хочет вручить другому дар и действительно делает это, то он сам решает это сделать. И всякий раз, когда он видит, как его даром обладает другой, он укрепляется в той позиции, которую сам занял по отношению к себе. Это «да» себе самой для Марии как бы второстепенно по сравнению с тем «да», которое она говорит Ангелу и Богу. Оно лишь означает, что во всех ситуациях и решениях ее жизни – хотя Бог распоряжается ею полностью – она вновь и вновь будет опираться на это согласие как на существенное основание своего бытия. Она будет оставаться той, которая сказала «да». Она позволяет своему «да» пронизать всю себя именно потому, что это – первое христианское «да». Ее согласие и самоотдача противоположны утрате себя в отчаянии. Ее «да» содержит в себе всю полноту веры, любви и надежды.

Если Бог чего-то требует, то Он никогда не требует этого попусту; Он непременно это использует. Но Он пользуется этим не так, что дарящий при этом истощается и исчезает. Он ничего не отнимает у дающего так, чтобы тот остался лежать позади изнуренный. Он наполняет того, кто опустошен, божественной жизнью, божественным посланием. Единственное, чего Он требует, – это чтобы человек, уже предоставивший себя в его распоряжение, пребывал в нем постоянно. Он желает добровольного согласия. Послушание, целомудрие и бедность – это ведь не самоубийство человеческого духа, а его жизнь в новой благодати. И внутри этой жизни согласие становится для Марии постоянной

путеводной нитью в ее действиях. Ей нельзя – и она не может – выйти за положенные ей границы; степень ее близости к Богу и ее удаленности от него всецело определяется духом согласия.

Это тройное согласие ведет к рождению тройного же *fiat*^{*}, позволяющего случиться всем дальнейшим событиям: *fiat* самой Матери, *fiat* Сына и *fiat* Церкви. *Fiat* – это выражение и следствие диалога между Богом в Ангеле и Марией. Бог возвещает свое деяние, и Мать отвечает без колебаний, не ставя никаких условий для наступающей внешней жизни. Ибо сам Бог от начала и до конца сформировал ее участие. Итак, в диалоге содержится вопрос, но не такой, который ожидает ответа, как если бы он был задан равным равному. Скорее, Бог возвещает грядущее рождение своего Сына как некий факт. Но это возвещение происходит в уже предложенном и принятом свете согласия. И Мать дает это свое согласие как свободное творение, безоговорочно и без обдумывания. Она выступает навстречу Божьему возвещению, не рассуждая и не взвешивая, что же ей ответить. Она предоставляет слову Бога свое согласие не как некое второе в равном чине слово. Она простирает свое слово, как ковер, под ноги Слову Божьему. Когда человек, пораженный первородным грехом, отдает Богу в распоряжение себя самого, свою душу и свое тело, то делает это не без некоторого расчета. Он видит и чувствует, что отказывается от разнообразных естественных даров, на которые, кажется, его природа имеет определенное право, и в его отдаче всегда отражается то, от чего он отказался. Он не может полностью избавиться от рефлексии над тем, что он отдал. Мать не знает такого сравнения. Она не взвешивает ни того, что отдает, ни того, что за это получит. Для своего духа и своего тела она не знает никакого употребления, кроме возможности служить. Но Бог желает этого служения как свободного и

* «Да будет» (лат.).

в свободе. Ее согласие немногословно. Она должна сказать: «да будет Мне по слову твоему», и ее собственное слово – настолько же обоснованное, насколько само оно обосновано словом Бога. Она может сказать его еще и потому, что она сама непорочно зачата и тем самым подготовлена к тому, чтобы вот так отдать себя в распоряжение. Этим она создает некое новое отношение между словом Бога и ответом человека.

«Да будет Мне по слову твоему» – этот ответ Матери идет через Ангела непосредственно к Богу. Поэтому он означает: «Да произойдет со мной по твоему божественному замыслу, по твоему божественному слову, которое, в конечном счете, есть твой Сын». В это «по слову твоему» Мать без оглядки вкладывает все ей принадлежащее. Она желает, чтобы все ее собственное стало тем, в котором только еще сказывается *verbum tuum* («слово твое»), и чтобы это произошло любым удобным ему способом. Она не сопровождает это обещание никаким поясняющим представлением. Весь неисчерпаемый смысл ее обета состоит в том, что он содержит в себе смысл Бога. И желая, и поступая так, она прокладывает в себе самой дорогу для Божьего Слова. А именно – весь необозримый путь: путь сыновства, ибо Слово становится ее Сыном, но сыновства божественного, так как оно становится ее Богом и через нее возвратится к Отцу. Ее материнство получает необозримое распространение. По воле Сына она становится одновременно и Матерью, и Служанкой – его сокрывая в себе, будучи сокрыта в нем; его формируя, будучи им сформирована.

Она передает Отцу свое согласие: «да будет Мне по слову твоему». Отец же передает его Сыну. Словно Сын воспринял его от Отца и превратил в свое собственное *fiat voluntas tua* («Да будет воля Твоя»). *Fiat* Матери перешло к Сыну и теперь покоится в нем, но в обоих оно вызвано действием Святого Духа. Позже оно внезапно возникнет из учения Сына в молитве *Отче наш*, встроенное в другие прошения,

но как их сердцевина, поскольку оно заключило завет-союз между Отцом и Матерью и сделало возможным рождение Сына. Сын повторяет это вслед за Матерью, которая ему это передала и передоверила, как и сама она получила это от Бога. Молитва Матери вводит молитву Сына, но Мать перенимает и вбирает молитву Сына в себя.

Отсюда *fiat* передается всем: оно становится собственностью Церкви в форме молитвы к Отцу. Когда Сын свою собственную молитву к Отцу, которую Он перенял от Матери, дарит людям, эта молитва приобретает свою широту, свой вселенский (*katholischen*) евхаристический характер. Она живет в каждом отдельном *fiat*, которое произносится в Господней общине.

Произнеся свое слово: «да будет Мне по слову твоему», Мать получает от Троицы тайну, чтобы передать ее Сыну. Сын отдает слово обратно Троице, когда все, что имеет, в Духе вновь отдает в дар Отцу. И потом, когда Отец снова получил ее, в расточительном распространении евхаристии и Святого Духа тайна эта раздается человечеству.